

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Турышева О. Н. Крылья Грегора Замзы : реализация мотива в русской мысли / О. Н. Турышева // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 290—305. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-290-305.

Turyшева, O. N. (2025). Wings of Gregor Samsa: Motif's Implementation in Russian Thought. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 290-305. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-290-305. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Крылья Грегора Замзы: реализация мотива в русской мысли

Турышева Ольга Наумовна
orcid.org/0000-0002-3014-6153
доктор филологических наук, доцент
кафедра русской
и зарубежной литературы
oltur3@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Wings of Gregor Samsa: Motif's Implementation in Russian Thought

Olga N. Turyшева
orcid.org/0000-0002-3014-6153
Doctor of Philology, Associate Professor
Department of Russian
and Foreign Literature
oltur3@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена рецепции новеллы Ф. Кафки «Превращение» в русской мысли. Целью статьи является анализ различных интерпретационных версий относительно наличия крыльев у превратившегося Грегора Замзы. Сопоставлены разные трактовки новеллы, актуализирующие внешний облик героя: русского переводчика Г. Ноткина, русского критика В. Белоножко, русскоязычного драматурга З. Сагалова, автора пьесы «Не верьте господину Кафке». Выявлено, что вопрос о крыльях Грегора имеет противоположное решение в научной и переводческой, с одной стороны, и художественной, с другой стороны, герменевтике новеллы. Вопрос о наличии у превратившегося Грегора крыльев был поставлен В. Набоковым. В научной и переводческой традиции, полемизирующей с трактовкой В. Набокова, превращение Грегора в жука, наделенного крыльями, отвергается. Художественный опыт герменевтики новеллы, наоборот, изображает Грегора крылатым существом. Релевантность такой интерпретации новеллы обоснована обращением к незаконченному роману Ф. Кафки «Свадебные приготовления в деревне», в котором содержится образ превращения в жука, наделенного крыльями. Сопоставительный анализ и наблюдения автора легли в основу оригинальной интерпретации новеллы. Предложенная трактовка подкреплена анализом повествовательной специфики новеллы и обращением к практике английского перевода лексемы, обозначающей насекомое, в которое превратился Грегор.

Ключевые слова:

Франц Кафка; новелла; *Превращение*; Зиновий Сагалов; образ Грегора Замзы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to the reception of Franz Kafka's novella "The Metamorphosis" within Russian intellectual discourse. The aim of this article is to analyze various interpretative perspectives regarding the presence of wings in the transformed Gregor Samsa. The analysis juxtaposes different readings of the novella, highlighting the perspectives of Russian translator G. Notkin, critic V. Belonozhko, and Russian-speaking playwright Z. Sagalov, author of the play "Don't Trust Mr. Kafka." It is revealed that the question of Gregor's wings presents contrasting resolutions in scholarly and translational hermeneutics on one hand, and artistic interpretations on the other. The issue of whether transformed Gregor possesses wings was raised by V. Nabokov, and in the scholarly and translational tradition that challenges Nabokov's interpretation, Gregor's metamorphosis into a winged insect is rejected. Conversely, artistic hermeneutics portray Gregor as a winged creature. The relevance of this interpretation is substantiated by referencing Kafka's unfinished novel "Wedding Preparations in the Village," which contains an image of transformation into an insect with wings. The comparative analysis and observations presented by the author form the basis for an original interpretation of the novella, supported by an examination of its narrative specifics and a discussion of English translation practices regarding the lexeme denoting the insect into which Gregor transformed.

Key words:

Franz Kafka; novella; *The Metamorphosis*; Zinovy Sagalov; image of Gregor Samsa.

Крылья Грегора Замзы: реализация мотива в русской мысли

© Турышева О. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Есть все основания считать, что в отечественной герменевтике новеллы Франца Кафки «Превращение» доминирует апокалиптическая интерпретация. В ее рамках катастрофа, произошедшая с Грегором Замза, как правило, объясняется неумолимым действием непостижимых высших сил, а ее смысл связывается с выражением мысли об изначальном алогизме человеческого бытия, одиночестве, униженности и ничтожности человека перед лицом необходимости. Содержание этой трактовки хорошо резюмировал Юрий Владимирович Манн в работе 1999 года, посвященной типологическим связям Кафки и Гоголя: «Отказали какие-то коренные законы бытия», и «рушится весь образ жизни, угроза нависает над коренными основами индивидуального существования», — пишет Манн по поводу метаморфозы Грегора Замзы [Манн, 1999, с. 165—166]. Такая трактовка, конечно, отвечает трагическому пафосу новеллы и всего творчества Кафки, но, как представляется, вовсе не исчерпывает его. Недаром в русской мысли о «Превращении» было замечено, что превратившийся Грегор обладает крыльями.

Впервые на это обратил внимание В. Набоков. В лекциях, прочитанных американским студентам в 1950-е годы, Набоков предпринял опыт реконструкции внешнего вида Грегора после метаморфозы. Опора на энтомологическое знание позволила ему обнаружить схожесть насекомого, в которого превратился Грегор, с майским жуком. Майский жук, утверждает Набоков, под жестким панцирем имеет «жиденькие крылья», с помощью которых он может «в неуклюжем полете преодолевать многие километры». Однако, пишет Набоков, «Грегор так и не узнал, что под жестким покровом на спине у него есть крылья» [Набоков, 1998, с. 335].

В статье предлагается сопоставление реакций русских и русскоязычных профессиональных реципиентов «Превращения» на мнение Набокова об облике превратившегося Грегора. Актуальность такого сопоставления

связана с необходимостью дальнейшей интерпретации новеллы Кафки, считающейся одним из самых загадочных произведений европейской литературы XX века. Кроме того, выявление специфики решения вопроса о наличии у превратившегося Грегора крыльев в русской мысли позволит выявить и характерные для нее векторы понимания «Превращения». Статья предлагает новый аспект в герменевтике новеллы, не фигурировавший в наших предыдущих работах, посвященных «Превращению».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составляют разные трактовки новеллы, актуализирующие внешний облик героя и предложенные в рамках русской и русскоязычной мысли. Среди них трактовка переводчика творчества Ф. Кафки на русский язык Г. Ноткина, русского критика В. Белоножко, русскоязычного драматурга З. Сагалова, автора пьесы «Не верьте господину Кафке». В статье предпринимается сопоставление научной и художественной герменевтики «Превращения» в аспекте решения вопроса об облике существа, в которое превратился Грегор Замза. Подобное сопоставление ранее не предпринималось.

Анализ художественной рефлексии о «Превращении», представленной в фантазийной пьесе З. Сагалова, которая не была до сего момента предметом научного исследования, опирается на имманентную и интертекстуальную методологию. В качестве интертекстуального материала мы обращаемся к фрагменту незаконченного произведения Ф. Кафки 1906—1907 годов, опубликованного М. Бродом после смерти Кафки под названием «Свадебные приготовления в деревне». Привлечение этого незавершенного текста также позволяет осуществить «методологию параллельных мест» — базовую, по определению А. Компаньона, литературоведческую методологию, которая состоит в использовании для прояснения семантически темного фрагмента другого фрагмента того же автора [Компаньон, 2001]. Поэтому обращение к «Свадебным приготовлениям в деревне» обеспечивает интерпретирующую стратегию в отношении новеллы «Превращение». В свою очередь и пьеса З. Сагалова рассматривается как опыт художественной герменевтики «Превращения». Так, сквозь призму фантазии Сагалова и привлечения «параллельных мест» из другого произведения Кафки уточняется ранее выдвигнутая нами интерпретация «Превращения» [Турышева, 2021a].

Решение вопроса об облике существа, в которое превратился Грегор Замза, также опирается на лингвистический анализ этимологии лексемы, использованной Кафкой для описания превратившегося героя, предпринятый С. Бернофски, а также практику ее перевода на английский язык, охарактеризованную У. Гудерхамом.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Критика набоковской реконструкции

В научной герменевтике «Превращения» изложенная выше энтомологическая версия Набокова не была воспринята серьезно. Наоборот, со стороны исследователей и переводчиков Кафки реконструкция Набокова была подвергнута однозначной критике. Так, Герберт Ноткин в эссе, написанном в форме диалога с Набоковым, упрекнул его энтомологическую «диагностику» в недостоверности, ссылаясь на Т. Адорно и Г. Яноуха: «Вы категорически отметаєте таракана. А как насчет клопа, Владимир Владимирович? Это не только у меня возникает такой вопрос, вот и Адорно, вспоминая вслед за Беньямином о способности Кафки оживлять, материализовывать метафоры, “ловя их на слове”, пишет: “Иногда те или иные слова, в особенности метафоры, вырываются из текста и обретают независимое существование”. И далее: “В “Превращении” можно, продолжая линию дословности, рассматривать путь эволюции впечатлений: “Эти коммивояжеры — как клопы” — расхожее выражение, которое Кафка, с его самоощущением наколотого на булавку насекомого, должен был подхватить...”. И по свидетельству Густава Яноуха, Кафка говорил: “Клоп”. Да и превращение произошло в постели... Слышу-слышу Ваше презрительно-возмущенное: “Постельный клоп — кровососущий паразит. А паразиты — это члены семьи Грегора, а не он”. Если и так, то ведь только до превращения, Владимир Владимирович. А уж после превращения паразитировать на Грегоре они никак не могут, роли меняются» [Ноткин, 2011].

Неприятие энтомологической версии Набокова в эссе Г. Ноткина обосновано не только опорой на мнение Т. Адорно и Г. Яноуха. Оно также связано с его категорическим несогласием с набоковской интерпретацией «Превращения». Набоков читает «Превращение» как новеллу о предательстве героя его семьей, настаивая на том, что животное, нечеловеческое начало отличает не столько превратившегося Грегора, сколько его бессердечных родственников. Грегору же Набоков присваивает одиночество и неизбежно трагическую судьбу непонятого гения: «Обособленность, странность так называемой реальности — вечные спутницы художника. Семья Замзы вокруг фантастического насекомого — не что иное, как посредственность, окружающая гения» [Набоков, 1998, с. 337]». Такая интерпретация, выводящая трагедию превращения из романтического конфликта между творчески одаренной личностью и ее посредственным окружением, вызывала несогласие не только у Г. Ноткина. Ю. Данилкова пишет: «Эта интерпретация <...> казалось бы, ни коим образом не проистекает из анализа текста новеллы: Грегор Замза предстает как обладатель вполне “буржуазной”, прозаичной профессии. Однако это не мешает Набокову говорить о Замзе как о “гении”,

а не просто о страдающем человеке. Многомерная реальность произведений Кафки не позволяет судить о правильности заключений В. Набокова» [Данилкова, 2021, с. 30]. Г. Ноткин, также отвергая романтический пафос Набокова, призывает видеть в Грегоре не непонятого художника и жертву экономического и психологического насилия со стороны семьи, а того, кто ответственно выполняет свои сыновние обязанности.

Впрочем, такая интерпретация вступает в противоречие с интертекстуальным наблюдением, предлагаемым Г. Ноткиным в этом же эссе: аллюзивное привлечение рассказа Дж. Лондона «Отступник» принуждает критика все-таки признать в превращении Грегора семантику побега из-под власти семьи: «Пресс сильнее всего давит на него. Он устал физически, он устал от унижений <...> Что бывает под таким непрерывным давлением обстоятельств? Приходит на память убежавший от изматывающей работы, нарушивший долг и бросивший родных маленький отступник из одноименного рассказа Джека Лондона. Он не хотел их бросать, он — не выдержал и превратился в отступника. Так пар, непрерывно сжимаемый под поршнем, в конце концов испытывает превращение: в какой-то момент начинается оживление. А здесь — ожукновение» [Ноткин, 2011]. В этом пассаже Г. Ноткин невольно подтверждает критикуемую им трактовку Набокова о превращении как результате невыносимого внешнего давления и отчуждения человека от самого себя.

Другой пример критики набоковской реконструкции — статья В. Белоножко, который называет «энтомологическую перлюстрацию» «Превращения» безнадёжной ошибкой, а самого Набокова обвиняет в эстетской тенденциозности: «Набоков изо всех сил пытается сконструировать физический облик Грегора Замзы в ипостаси жука», так как «клоп — самое отвратительное и мерзкое насекомое <...> [но] в истории семейства Грегора Замзы клоп-кровосос — пусть символически — сыграл бы более определенную роль», — пишет В. Белоножко, поддерживая версию Г. Ноткина [Белоножко]. Впрочем, в интерпретации этого исследователя акцент сделан на биографических основаниях кафковской фантазии: «Кафка имел здесь в виду одного себя <...> Это свои семейственные узы он вратил в хитиновый панцирь насекомого. <...> Конечно, подразумевая самого себя, он рисовал лишь надежды и упования своего семейства, которые всеми силами своей писательской натуры вынужден был дискредитировать <...> таково уж было его призвание и роковая участь» [Белоножко].

Эта интерпретация также не свободна от противоречий, которые, впрочем, становятся предметом размышлений самого ее автора: предвосхищая вопрос о том, почему Кафка использовал образ «мерзкого насекомого», если он имел в виду самого себя, В. Белоножко пишет: «Личина насекомого — это

как бы удаление в монастырь одиночества, приспособленного для размышлений и подведения итогов прожитой и непрожитых жизней» [Белоножко].

Возражение также вызывает утверждение В. Белоножко о том, что образ кровососущего насекомого символически был бы более оправдан в авторской концепции Кафки. Представляется, что характер изображения превратившегося Грегора, в образе которого так выразительно подчеркнуты страх обременения семьи и готовность освободить ее от тягот добровольной смерти, вряд ли сочетается с паразитическими качествами, присваиваемыми ему Г. Ноткиным и В. Белоножко. Причем допущение о клопе не согласуется даже с содержанием самих выдвигаемых интерпретаций. Таким образом, оба привлеченных нами критических мнения в доказательстве уязвимости энтомологической версии Набокова предлагают не менее уязвимые трактовки.

3.2. Актуализация мотива крыльев в пьесе З. Сагалова

Если в *критической* мысли набоковская реконструкция была отвергнута, то в *художественной* рефлексии о новелле Кафки мотив крыльев у превратившегося Грегора получил свою реализацию — в одноактной пьесе З. Сагалова «Не верьте господину Кафке». Зиновий Сагалов (1930—2020) — известный драматург, сценарист и литератор. Пьеса «Не верьте господину Кафке» была написана в 2005 году в Германии, где он пребывал в последние годы своей жизни. На российской сцене спектакль по пьесе был поставлен в Московском драматическом театре «Свое время» (реж. М. Штерн) и Театре Историй (реж. К. Календарева).

В фантазийной драме З. Сагалова Грегор превращается в жука, не просто знающего о своих крыльях, но и пользующегося ими. Причем превращение несчастного маленького человека в летающего жука изображено в пьесе как инициированное самим Кафкой: Кафка выведен в качестве одного из героев пьесы. Он снимает комнату в пансионе, хозяйкой которого является Грета Замза. Собственно, вся пьеса представляет собой монолог Греты, которая пишет письмо прокурору с доносом на своего постояльца Кафку. Преступления, которые Грета вменяет Кафке, — это очернительство ее семьи в новелле «Превращение», его семитское происхождение, практикуемая им черная магия и, главное, околдовывание и расчеловечивание брата, превращение его «во врага государства». Грету терзает и то, что дружба Грегора с Кафкой сделала его счастливым:

«Придет к ночи [после встречи с Кафкой], — рассказывает Грета, передавая реплики брата, — глаза блестят, возбужденный, будто со свидания с любимой девушкой. О чем же вы столько говорили, спрашиваю. “Ой, сестричка, о разном, всего не упомянешь. Учит он меня жить вне жизни”. Это как такое может быть? “Да я еще сам толком не знаю, вот только учусь”» [Сагалов].

Очевидно, что метафора «жизнь вне жизни» у Сагалова означает преодоление зависимости от тягот обыденной жизни, унижающих достоинство. Недаром драматург присваивает Грегору военное прошлое: во время Первой мировой войны он служил в кавалерийском корпусе, стал инвалидом в результате газовой атаки на французов и получил железный крест за храбрость. В этом сюжете Сагалов разворачивает намеченный в «Превращении» мотив военной службы Грегора, представленный у Кафки описанием висящей в гостиной фотографии: на ней «был изображен лейтенант, который, положив руку на эфес шпаги и беззаботно улыбаясь, внушал уважение своей выправкой и своим мундиром» [Кафка, 2004, с. 15].

Нынешнее положение Грегора в драме Сагалова тяготит и раздражает Грету: должность коммивояжера, которую она выпросила для брата, окончательно уничтожила его здоровье и обесмыслила жизнь. В фантазии Сагалова он служит коммивояжером исключительно ради собственного пропитания: родители его умерли до событий, лежащих в основе действия драмы, а Грета является вполне обеспеченной хозяйкой пансиона, и мечты брата оплатить ей учебу в консерватории вызывают у нее только презрительный смех. Впрочем, сам Грегор у Сагалова лишен чувства ressentiment, его мучает усталость и бессмыслица обыденного существования. В представлении Греты, Кафка («чернокнижник и дьявол») и научил Грегора избавлению — через превращение в жука, наделенного крыльями: «Прилетел, сел на подоконник, крылышки сложил, глазками крутит. Вот они, крылья, о которых он, подлец, мечтал. Скучно ему, видите ли, ходить по земле» [Сагалов].

Однако крылья не спасают Грегора: Грета казнит брата за попытку освобождения, заманивая его в фанерный ящик и уничтожая собственноручно приготовленным инсектицидом. Заканчивается ее письмо прокурору требованием привлечь к ответственности самого Кафку — за распространение антипатриотических идей и вовлечение в семитский заговор против государства ее брата, вследствие чего тот и утратил человеческий облик. Грегор становится здесь жертвой не только бессердечия семьи, но и государственной идеологии. Действие в пьесе разворачивается в конце 30-х годов, когда Чехословакия была оккупирована нацистской Германией. А финал пьесы содержит лаконичную информацию о смерти Кафки от туберкулеза (в контексте произведения ее можно прочитать и как результат газовой атаки Греты) и гибели в концентрационных лагерях его сестер и Милены Есенской.

Монодрама Сагалова — это произведение с отчетливым антитоталитарным пафосом. Мотив присвоения Грегору осознания своих прав и возможностей и опыта освобождения значительно усиливает этот пафос. Не-

даром Сагалов присваивает событию превращения не катастрофическую (как в научной герменевтике), а положительную семантику — семантику преодоления и освобождения, связывая трагедию героя не с зооморфным превращением, а с внешним преследованием за претензию на свободу.

3.3. Мотив крыльев в незавершенном произведении Кафки

Релевантность фантазии З. Сагалова — о позитивном освободительном смысле превращения Грегора — подтверждается и контекстом кафковского творчества. Так, «Превращению» предшествует опыт незавершенного романа 1906—1907 годов, изданного Максом Бродом под названием «Свадебные приготовления в деревне». В нем уже содержится образ превращения человека в жука, причем, жука, отчетливо наделенного крыльями.

Герой данного фрагмента — смертельно уставший молодой человек Эдуард Рабан, который испытывает сокровенное желание отправить тело выполнять необходимые социальные функции, оставив душу в постели. Причем герой отождествляет себя именно с душой, которая, отпустив тело, «приобретает фигуру какого-то большого жука, жука оленя или майского жука» [Кафка, 1999, с. 87].

В «Превращении» Кафка не называет определенно насекомое, в которого превратился Грегор. Недаром номинация существа, в образе которого Грегор обнаружил себя «после беспокойного сна», — *ungeheuren Ungeziefer* — является серьезной проблемой для переводчиков и комментаторов. Как пишет переводчик новеллы на английский язык С. Бернофски, *Ungeziefer* происходит от средневерхненемецкого *ungezibere*, отрицательной формы древневерхненемецкого *zebar*, что означает ‘жертвоприношение’ или ‘жертвенное животное’: «Таким образом, “ungezibere” — это нечистое животное, непригодное для жертвоприношения, а “Ungeziefer” описывает класс отвратительных ползучих тварей. Это слово в немецком языке в первую очередь ассоциируется с шестиногими существами <...>. “Ungeziefer” также используется в неформальной речи как синоним слова “жук”, хотя его коннотация — “грязный, отвратительный жук”» [Bernofsky, 2014].

Как следует из обзора У. Гудерхама, сопоставившего разные переводы первой фразы новеллы на английский язык, в большинстве случаев переводчики тяготеют к лексемам *жук*, *насекомое* и *паразит*, только в двух переводах использованы слова *клоп* (перевод 2014 года К. Монкриффа) и *таракан* (перевод 2007 года М. Хофманна) [Gooderham, 2015]. Напомним, что С. К. Апт переводит *ungeheuren Ungeziefer* как *страшное насекомое*.

Ссылку на трудности и разнообразие перевода лексемы, обозначающей существо, в которое превратился Грегор, мы используем для акцентирования того факта, что Кафка в «Превращении» избегал какой-либо определенности в описании метаморфозы героя. Известно также, что Кафка категори-

чески сопротивлялся и иллюстрированию своей новеллы при подготовке ее первой публикации в 1915 году. Реконструировать внешний вид и видовую принадлежность насекомого, в которого превратился Грегор, Набокову позволили только его специальные знания в области энтомологии. А в фантазии Эдуарда Рабана из фрагмента «Свадебные приготовления в деревне» вид жука автором четко обозначен. И это жук, как сказал бы Набоков, которому, видимо, этот фрагмент был незнаком, способный к полету. Более того, это «большой жук», как и предполагал Набоков, читая «Превращение».

Однако сам Эдуард Рабан спасительные возможности метаморфозы в «майского жука или жука-олени» связывает не с наличием крыльев, а со способностью такого жука впасть в спячку. В истории Рабана сон — залог отдыха, утешения и освобождения от изнурительных социальных обязанностей. Поэтому в данном фрагменте метаморфоза, о которой мечтает герой, наполняется исключительно положительным в восприятии героя содержанием: она позволила бы ему пережить в беспамятстве сна те моменты жизни, которые кажутся ему трудно выносимыми в реальности. Рабан — литературный предшественник Замзы, но если в случае Рабана превращение в большого жука — только мечта, то Замзу Кафка терзает ее осуществлением.

Так, обретя облик жука, Грегор, не обнаруживает ни способности «впасть в спячку» (которую в фантазии лелеет Рабан), ни наличия крыльев (о которых Рабан не задумывается, но которые априори подразумеваются в облике насекомого, с которым он связывает возможность отдыха). Замза, наоборот, после превращения теряет сон. Единственное упоминание о сне, похожем на обморок, приходится на вечер первого дня превращения. Впоследствии же Грегор, как неоднократно сообщается, «лежал долгими ночами, не засыпая ни на одно мгновение» [Кафка, 2004, с. 27].

3.4. Мотив крыльев в «Превращении»

Мотив крыльев, намеченный, но не реализованный в «Свадебных приготовлениях в деревне», имплицитно присутствует и в «Превращении». Его можно разглядеть в описании того, как бессонными ночами Грегор-жук «не жалея трудов, придвигал кресло к окну, вскарабкивался к проему и, упершись в кресло, припадал к подоконнику, что было явно только каким-то воспоминанием о чувстве освобождения, охватывавшем его прежде, когда он выглядывал из окна» [Кафка, 2004, с. 27]. Воспоминание о чувстве освобождения, возникавшее при взгляде из окна в бытность Грегора человеком, аллюзивно вполне возможно соотнести с мечтой о крыльях, которая, видимо, брезжит на периферии сознания и после превращения.

В то же время вполне определенно мотив крыльев звучит в сцене, описывающей, как Грегор-жук наблюдает за тем, как Грета ищет его, заглядыва-

вая под диван: «Ведь где-то, о господи, он должен был находиться, не мог же он улететь!» [Кафка, 2004, с. 21] (Gott, er mußte doch irgendwo sein, er hatte doch nicht wegfliegen können) [Kafka, 2004, S. 20]. Данное восклицание вполне возможно рассматривать как форму несобственно-прямой речи самого Грегора (об этой особенности субъектной организации «Превращения» подробно см.: [Бровина, 2008, 2009; Пестова, 2010; Павлова, 2003; Павлова, 2005]), и в этом случае становится очевидно, что он однозначно и с горькой иронией отвергает способность своего нового тела летать. Следовательно, превратившийся Грегор предпринимает двойное отрицание в отношении новообретенного облика: он отрицает возможность «впадать в спячку» и возможность «неуклюжего» полета [Набоков, 1998]. Это двойное отрицание, предпринятое Грегором и обусловившее его гибель, зеркально соответствует его номинации в первом предложении новеллы: «ungeheuren Ungeziefer».

3.5. Пьеса 3. Сагалова как опыт художественной герменевтики «Превращения»

Таким образом, если в «Превращении» герой лишен осознания своих возможностей, то в пьесе Сагалова, наоборот, превращение в жука мотивировано желанием героя с помощью крыльев преодолеть унижение. Причем у Сагалова положительный характер метаморфозы подчеркивается еще одним мотивом: драматург присваивает самому Кафке желание спасти своего героя, искупить перед ним вину — за то, что в новелле обрек его на муки и смерть.

Введение этого мотива — мотива ответственности автора за своего героя — потребовало от драматурга оригинальной разработки временной организации пьесы. Действие в ней разворачивается в конце 1930-х годов и связывается с событиями начала Второй мировой войны, а именно немецкой оккупации Чехословакии. В контекст этих событий Сагалов вписывает сюжет дружбы Кафки с Грегором. В его драматургической фантазии Кафка познакомился с Грегором уже после создания новеллы «Превращение», которую он, по мысли Сагалова, писал «с натуры», наблюдая за семьей Замза. Поселение в пансион Греты и знакомство с Грегором представлено у Сагалова как покаянный поступок автора, который пытается спасти своего героя от участи, ранее для него придуманной, и придуманной небезосновательно: Кафка в изображении Сагалова смог разглядеть в Грегоре и убийственную усталость, и жертвенное начало — то, что в новелле было изображено как условия бессознательной метаморфозы и добровольной смерти. Поэтому, встретившись с Грегором спустя годы после создания новеллы, Кафка пытается придать его жизненному сюжету спасительное завершение: наделить крыльями и так позволить ему осуществить ранее

неосознаваемую претензию на свободу. В результате трагизм ситуации у Сагалова переводится из плоскости взаимодействия героя со своим бессознательным (как это было в новелле Кафки) в плоскость взаимодействия героя с внешним миром, отравленным преступной идеологией. Эти смыслы подчеркнуты и в эпилоге пьесы, где сообщается о гибели в газовой камере сестер Кафки и его возлюбленной.

Обратим внимание на то, что разработка данной семантики потребовала от Сагалова отступления от фактов: Кафка умер в 1924 году и, следовательно, никак не мог наблюдать рост антисемитизма в стране периода конца Первой Чехословацкой республики. Второе предпринятое в пьесе допущение касается знакомства Греты с содержанием новеллы «Превращение». Известно, что новелла при жизни Кафки опубликована не была. Конечно, данные допущения оправданы художественной природой фантазии Сагалова. Более того, только перевод действия в 1930-е годы, как и присвоение «Превращению» статуса опубликованного издания позволили драматургу развернуть антинацистскую проблематику, которая в пьесе является сюжетообразующей, оправдывая ее фактографическую неточность.

При этом следует отметить, что пьеса Сагалова свидетельствует о хорошем знании автором кафковского творчества и кафковской биографии. Он цитирует «Письмо к отцу», некоторые новеллы Кафки, его дневники. В частности, поэтому, а также потому, что он разрабатывает мотив, имплицитно присутствующий в творчестве Кафки, его драматургическую фантазию можно рассматривать в качестве опыта герменевтики «Превращения», где метаморфоза Грегора выглядит как попытка преодоления тягот обыденной жизни. Логика художественной интерпретации, предпринятой Сагаловым, обоснована наличием ее оснований в творчестве Кафки и в свою очередь повышает убедительность герменевтики «Превращения» как новеллы о неудавшемся освобождении.

Мотив ответственности автора за своего героя, введенный Сагаловым, переводит его драму в разряд металитературных произведений, разрабатывающих тему взаимоотношений автора и героя. Интересно, что в европейской литературе этот мотив начинает формироваться в начале XX века (об этом подробнее см.: [Турышева, 2021б]), а у Сагалова он оказывается связан с творчеством Кафки, одного из самых значительных европейских писателей этого времени. Видимо, писательская интуиция позволила Сагалову реализовать потенциально актуальное для европейского модернизма содержание.

Примечательно, что в модернистских произведениях с сюжетом взаимоотношения автора и героя, как правило, разрабатывается тема власти автора над героем: изображенный в таких произведениях автор утверждает свое безусловное право поступать со своим героем так, как ему заблаго-

рассудится, оправдывая это право своим демиургическим статусом. Так, героем романа Мигеля Унамуну «Туман» (1914) является автор, высмеивающий претензии своего героя на самостоятельный поступок и убивающий его в финале. Подобным образом в отношении своих героев поступает изображенный автор в романах К. Вагинова «Козлиная песнь» (1928) и «Труды и дни Свистонова» (1929). Кафке же Сагалов присваивает глубоко сочувственное и покаянное отношение к своему герою, что в интертекстуальной перспективе также задает важный вектор в понимании и интерпретации новеллы «Превращение». Опираясь на версию Сагалова, мы и пафос «Превращения» можем связать с мыслью об «участном», по знаменитому бахтинскому выражению, понимании автором своего героя.

4. Заключение = Conclusions

Предпринятое нами сопоставление разных трактовок облика превратившегося Грегора, а также актуализация интертекстуального контекста новеллы «Превращение» с фрагментом «Свадебные приготовления в деревне» и пьесой З. Сагалова «Не верьте господину Кафке» позволяют по-особому осветить вопрос о трагическом содержании новеллы. Его вполне возможно связывать вовсе не с тем, что герой превращается в насекомое, будучи жертвой непостижимых высших сил, что является интерпретационной традицией в отечественной герменевтике, но с тем, что Грегор Замза не смог осознать зооморфное превращение в качестве материализации собственной глубинной потребности. Мы можем трактовать превращение Грегора как метафору бегства от тягот обиденной жизни, но бегства, ставшего результатом деятельности бессознательного, а не сознания. С новообретенным обликом возможность освобождения героем не связывается. Единственный выход, который находит герой, — это выход, прямо противоположный тем возможностям, которые открывала перед ним зооморфная метаморфоза.

Выдвинем еще одно предположение, вытекающее из вышеизложенной интерпретации и, в то же время, поддерживающее ее. Это предположение, основанное на этимологии номинации *ungeheuren Ungeziefer*. Если актуализировать древний смысл корня, от которого произошло слово *Ungeziefer* («жертвенное животное»), то отрицательная приставка *un* обостряет семантику непригодной, ненужной жертвы. Такой жертвой выглядит само превращение: бессознательное событие превращения, в результате которого человеческое тело Грегора было принесено в жертву его усталости и отчаянию, не стало предметом осознания, девальвируя таким образом сам смысл метаморфозы.

В пьесе Сагалова как раз и находит свое воплощение мотив крыльев, предполагаемый в «Свадебных приготовлениях в деревне», но отторжен-

ный от героя в «Превращении». Отторженный от героя, но вовсе не отвергнутый автором (на этом как раз и настаивал Набоков). Представляется, что не так и необоснованно.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Кафка Ф.* Свадебные приготовления в деревне / Ф. Кафка // Рассказы. Пропавший без вести / пер. С. Апт. — Харьков : Москва : Фолно, 1999. — С. 84—99.
2. *Kafka F.* = Кафка Ф. Die Verwandlung = Превращение. Literatur in zwei sprachen. — Moskau ; Augsburg : Im Werden Verlag, 2004. — 53 с. — ISBN 978-5-7873-1136-5.
3. *Сагалов З.* Не верьте господину Кафке! [Электронный ресурс] / З. Сагалов. — Режим доступа : <https://umotnas.ru/umot/zinovij-sagalov-ne-verete-g-nu-kafke/> (дата обращения 20.11.2024).

Литература

1. *Белоножко В.* Превращение Набоковым «Превращения» Ф. Кафки [Электронный ресурс] / В. Белоножко. — Режим доступа : <https://kafka.ru/kritika/read/prevrasheniye-prevrasheniya> (дата обращения 20.11.2024).
2. *Бровина А. В.* Несобственно-прямая речь как доминирующий элемент авторского стиля Ф. Кафки / А. В. Бровина // Актуальные проблемы лингвистики : Материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 01—02 февраля 2008 года. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2008. — Т. 21. — С. 23—24.
3. *Бровина А. В.* Сопоставительный анализ языковых средств выражения несобственно-прямой речи в немецком и русском языках : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / А. В. Бровина. — Екатеринбург, 2009. — 24 с.
4. *Данилкова Ю. Ю.* Кафка и Набоков как читатели Достоевского / Ю. Ю. Данилкова // Журнал филологических исследований. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 28—32.
5. *Компаньон А.* Демон теории : Литература и здравый смысл / А. Компаньон ; Пер. С. Зенкина. — Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. — 336 с. — ISBN 5-8242-0079-3.
6. *Манн Ю. В.* Встреча в лабиринте : Кафка и Гоголь / Ю. В. Манн // Вопросы литературы. — 1999. — Выпуск 2. — С. 162—186.
7. *Набоков В. Ф.* Кафка, «Превращение» / В. Набоков // Лекции по зарубежной литературе. — Москва : Независ. газ., 1998. — С. 325—366.
8. *Ноткин Г.* В контакте с Набоковым: «Превращение» Ф. Кафки [Электронный ресурс] / Г. Ноткин // Звезда. — 2011. — № 5. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/5/v-kontakte-s-nabokovym-prevrashhenie-francza-kafki.html> (дата обращения 20.11.2024).
9. *Пестова Н. В.* Функции несобственно-прямой речи в реализации концепта «смещение» Ф. Кафки / Н. В. Пестова // Известия Волгоград. гос. педагогич. ун-та. — 2010. — № 2. — С. 4—8.
10. *Павлова Н. С.* Форма речи как форма смысла / Н. С. Павлова // Вопр. лит. — 2003. — № 4. — С. 167—182.

11. Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе. — Москва : Яз. славянской культуры, 2005. — 312 с. — ISBN 5-9551-0106-3.
12. Турышева О. Н. Незавершенное в роли интерпретанты (на материале двух текстов Ф. Кафки) / О. Н. Турышева // Незавершенное: феномен творческой практики. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2021а. — С. 126—144. — ISBN 978-5-00165-296-0.
13. Турышева О. Н. Герой в противоборстве с автором : к вопросу о неопisanном металитературном сюжете / О. Н. Турышева // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2021б. — Т. 6. — № 3. — С. 96—113. — DOI: 10.18522/2415-8852-2021-3-96-113.
14. Bernofsky S. On Translating Kafka's "The Metamorphosis" [Electronic resource] / S. Bernofsky. — Access mode : <https://www.newyorker.com/books/page-turner/on-translating-kafkas-the-metamorphosis> 14 января 2014. (accessed 20.11.2024).
15. Gooderham V. B. Kafka's Metamorphosis and its mutations in translation [Electronic resource] / V. Gooderham. — Access mode : <https://www.theguardian.com/books/books-blog/2015/may/13/kafka-metamorphosis-translations> (accessed 20.11.2024).

Статья поступила в редакцию 27.11.2024,
одобрена после рецензирования 21.01.2025,
подготовлена к публикации 10.03.2025.

Material resources

- Kafka, F. (1999). Wedding preparations in the village. In: *Short stories. Missing*. Kharkov; Moscow: Folio. 84—99. (In Russ.).
- Kafka, F. = Кафка Ф. (2004). *Die Verwandlung = Transformation. Literatur in zwei sprachen*. Moskau; Augsburg: Im Werden Verlag. 53 s. ISBN 978-5-7873-1136-5. (In Germ.).
- Sagalov, Z. *Don't believe Mr. Kafka!* Available at: <https://umotnas.ru/umot/zinovij-sagalov-ne-verete-g-nu-kafke/> (accessed 11.20.2024). (In Russ.).

References

- Belonozhko, V. *Nabokov's Transformation of F. Kafka's "Transformations"*. Available at: <https://kafka.ru/kritika/read/prevrashenie-prevrasheniya> (accessed 20.11.2024). (In Russ.).
- Bernofsky, S. *On Translating Kafka's "The Metamorphosis"*. Available at: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/on-translating-kafkas-the-metamorphosis> 14 января 2014. (accessed 20.11.2024).
- Brovina, A. V. (2008). Inappropriate direct speech as the dominant element of the author's style of F. Kafka. In: *Actual problems of linguistics: Proceedings of the annual scientific conference, Yekaterinburg, February 01—02, 2008, 21*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 23—24. (In Russ.).
- Brovina, A. V. (2009). *Comparative analysis of linguistic means of expressing non-direct speech in German and Russian*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).
- Companion, A. (2001). *The demon of theory: Literature and common sense*. Moscow: Publishing House named after. Sabashnikov. 336 p. ISBN 5-8242-0079-3. (In Russ.).
- Danilkova, Yu. Yu. (2021). Kafka and Nabokov as readers of Dostoevsky. *Journal of Philological Research*, 6 (1): 28—32. (In Russ.).

- Gooderham, Y. B. *Kafka's Metamorphosis and its mutations in translation*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2015/may/13/kafka-metamorphosis-translations> (accessed 20.11.2024).
- Mann, Yu. V. (1999). Meeting in the labyrinth: Kafka and Gogol. *Questions of literature*, 2: 162—186. (In Russ.).
- Nabokov, V. F. (1998). Kafka, “Transformation”. In: *Lectures on foreign literature*. Moscow: Nezavisimosti. gaz. 325—366. (In Russ.).
- Notkin, G. (2011). In contact with Nabokov: F. Kafka’s “Transformation”. *Zvezda*, 5. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/5/v-kontakte-s-nabokovym-prevrashhenie-francza-kafki.html> (accessed 20.11.2024). (In Russ.).
- Pavlova, N. S. (2003). The form of speech as a form of meaning. *Vopr. Lit*, 4: 167—182. (In Russ.).
- Pavlova, N. S. (2005). *The nature of reality in Austrian literature*. Moscow: Yaz. of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-9551-0106-3. (In Russ.).
- Pestova, N. V. (2010). The functions of non-direct speech in the implementation of the concept of “mixing” by F. Kafka. *Izvestiya Volgograd. gosudarstvennogo pedagogich. un-ta*, 2: 4—8. (In Russ.).
- Turyшева, O. N. (2021a). The Unfinished as an interpreter (based on two texts by F. Kafka). In: *Unfinished: the phenomenon of creative practice*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University of Saint Petersburg: Alethea. 126—144. ISBN 978-5-00165-296-0. (In Russ.).
- Turyшева, O. N. (2021b). Hero in confrontation with the author: on the issue of an undescribed metal literary plot. *Practices and interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Research*, 6 (3): 96—113. DOI: 10.18522/2415-8852-2021-3-96-113. (In Russ.).

*The article was submitted 27.11.2024;
approved after reviewing 21.01.2025;
accepted for publication 10.03.2025.*